

«0 Моцарте и Сальери мы знаем в тысячу раз больше, чем знал Пушкин»

Category: Edebi makalalar, Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025

«0 Моцарте и Сальери мы знаем в тысячу раз больше, чем знал Пушкин» «0 МОЦАРТЕ и САЛЬЕРИ МЫ ЗНАЕМ В ТЫСЯЧУ РАЗ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗНАЛ ПУШКИН»

• Александр Долинин / Как издавать Пушкина сегодня

В конце прошлого года в «Новом издательстве» вышли «Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года» Пушкина – репринтное воспроизведение редчайшего прижизненного издания поэта с подробным историко-литературным комментарием. «Горький» поговорил об этой книге с работавшими над ней Александром Долининым, профессором Университета штата Висконсин в Мэдисоне, и Алиной Бодровой, старшим преподавателем школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Мы выяснили, куда пропала таинственная брошюра Пушкина, чем новое издание отличается от академического собрания сочинений и какие произведения Моцарта знал поэт.

• 0 принципах нового издания

Идея этого издания пришла мне в голову лет пятнадцать назад (помимо «Стихотворений из „Северных цветов“ 1832 года» раньше в «Новом издательстве» вышли еще два тома – первая часть «Поэм и повестей» и «Борис Годунов». – Прим. ред.). Я предложил издавать Пушкина более-менее таким, каким его знали современники, каким представлял себя он сам. Потому что Пушкин писал все-таки не для нас, а совсем для других людей, у него и у его читателей был кругозор, сильно отличавшийся от нашего. Они знали в каких-то отношениях во много раз меньше, чем теперь знаем мы, а в каких-то – несравнимо больше. Поэтому

идея заключалась в том, чтобы показать, какой Пушкин выходил при его жизни, и откомментировать тексты Пушкина как бы с точки зрения его «идеальных читателей» – тех читателей, на которых Пушкин ориентировался. И, соответственно, освободить Пушкина от тех гигантских наслоений – интрепретационных и комментаторских, – которые за почти двести лет погребли его под собой.

Чем такой комментарий отличается от академического? Во-первых, мы значительно меньше, чем пушкинисты прошлого или работники Пушкинского дома, издающие сейчас новое полное собрание сочинений, занимаемся текстологией, историей написания текста, сличением вариантов и не пытаемся восстановить зачеркнутое, разобрать недописанное, составить какие-то псевдопушкинские комбинации из тех слов и строчек, которые Пушкин, на свою беду или на наше счастье, оставил в своих бумагах. И второе, что мне казалось очень важным сделать, – как раз попытаться реконструировать ту, если можно так сказать, «культурную энциклопедию», тот объем данных, сведений, ассоциаций, которые были у Пушкина и его лучших читателей, на который он ориентировался. И «отстроиться» от того, что мы знаем, а Пушкин и его современники не знали.

Возьмем в качестве примера «Моцарта и Сальери», которым я занимался. Конечно, о Моцарте и Сальери мы знаем в тысячу раз больше, чем знал Пушкин и его современники. У нас совсем другое восприятие, мы можем прослушать любую вещь Моцарта, найдя ее на Youtube или где угодно за одну минуту, правда? Если нам что-то у Моцарта покажется интересным или непонятным, мы послушаем это место еще раз. Теперь представьте себе Пушкина и его современников – не меломанов и музыкантов, а образованных дворян. Сколько раз за свою жизнь они могли услышать, скажем, «Дон Жуана» или «Женитьбу Фигаро»? Ну раз, ну два, не больше. Поэтому они хорошо знали только самые популярные арии, которые часто исполнялись на домашних и публичных концертах. Так, слепой скрипач у Пушкина исполняет «Voi che sapete», очень популярную арию из «Женитьбы Фигаро», а вторая пьеса, которую его просит сыграть Моцарт, к досаде музыковедов не названа («Из Моцарта нам что-нибудь») – может

быть, потому, что Пушкин больше ничего и не вспомнил. Исходя из этого, можно, например, установить, какой «мотив» из оперы Сальери «Тарар» пушкинский Моцарт твердит, когда он счастлив. Дело в том, что в 1810–1820-е годы часто исполняли (и этому есть много свидетельств) только одну арию из «Тарара» – шутиливую песенку евнуха Кальпиджи с припевом «*Ahi rovegò Calpigi*» («Ах, бедный Кальпиджи»), которая хорошо соответствует состоянию счастья, о котором говорит Моцарт. Интересно, что Катенин (которого Тынянов считал прототипом Сальери) в письме к Пушкину назвал себя «*rovegò Calpigi*», вспомнив именно эту веселую арию.

Чтобы понять такие вещи, нужно уметь «отстроиться» от наших знаний и привычек сознания – не приписывать Пушкину современное глубокое понимание музыки, как это делает большинство исследователей, а стать на позицию человека, воспринимающего музыку совсем не так, как ее воспринимаем мы в XXI веке.

- Как комментировать Пушкина

Новое издание факсимильное, читатель может посмотреть, как выглядят стихотворения Пушкина, напечатанные со всеми особенностями и, я бы сказал, красотами старой орфографии, но и с типографскими ошибками, которые там есть и которые впоследствии будут исправлены дотошными редакторами. А уже в комментариях читатель найдет объяснения всех особенностей текста: что перед нами, опечатка или именно так слово писалось в пушкинскую эпоху; почему в современных изданиях мы иногда видим другое написание или даже другое слово, и прочее, и прочее, и прочее.

Это одна, лингвистическая сторона комментария. Другая состоит в установлении источников, подтекстов, цитат, в объяснении аллюзий. Сейчас, когда оцифровано достаточно большое количество книг, журналов и газет XVIII–начала XIX в., особенно иностранных, нам удастся сделать многое из того, что было просто не под силу нашим предшественникам. Например, раньше считалось, что мы не можем установить источник

пушкинских сведений о том, что Сальери отравил Моцарта, потому что эта легенда имела самое широкое распространение, и таких источников было необозримо много. Теперь же выясняется, что дело обстояло иначе: сами слухи обсуждались только в четырех парижских газетах 14 и 15 апреля 1824 г. (что-то из этих публикаций Пушкин, наверное, и прочитал тогда в Одессе), но зато их многочисленные опровержения печатались на протяжении пяти последующих лет в десятках изданий по всей Европе. Таким образом, Пушкин не мог не знать, что подозрения Сальери в отравлении Моцарта не имеют под собой никаких оснований и отвергнуты всем музыкальным миром, но тем не менее использовал недостоверную легенду, показавшуюся ему художественно интересной.

Современное и советское комментирование Пушкина сильно различаются. Во-первых, советская практика была идеологизированной. Даже самые лучшие пушкинисты так или иначе должны были считаться с цензурными ограничениями, с запретами и, так сказать, с идеологическими установками режима – даже если эти установки не были точно сформулированы. Каждый знал, что «так можно, а так нельзя», эти правила господствовали над сознанием и подсознанием каждого исследователя. А во-вторых, советская практика издания Пушкина исходила из презумпции существования неких идеальных текстов, которые пушкинист может и должен реконструировать. Советские пушкинисты хотели выявить эти идеальные тексты, которые, как они полагали, при их подготовке к печати и публикации подвергались всяческим деформациям – их портили и сам Пушкин, и цензура, и нерадивые издатели, и плохие редакторы. То есть пушкинисты предполагали, что имеют право улучшать реального Пушкина. Вот от этой презумпции мы отказываемся.

- 0 комментариях к Набокову

Сейчас я заканчиваю работу над огромным, 500-страничным комментарием к роману Набокова «Дар», которым занимаюсь вот уже почти тридцать лет. Разумеется, комментировать Пушкина и комментировать Набокова приходится по-разному. Ведь к каждому

тексту, как и к каждому замку, требуется свой ключ, потому что разные тексты ставят перед нами разные вопросы, на которые мы должны искать ответ. Набоков писал свой лучший русский роман через сто лет после гибели Пушкина: другое время, другая поэтика, другие темы, другие цитаты и аллюзии, требующие объяснения. Но при этом общие принципы комментирования для меня остаются прежними, хотя, конечно, методы, которыми я пользуюсь, которые приходится применять, — они разные.

- Что читать о мире Пушкина

Тем, кто до сих пор мало интересовался Пушкиным, я бы порекомендовал в первую очередь читать работы Юрия Михайловича Лотмана и Вадима Эразмовича Вацуро, замечательного пушкиниста и — главное — знатока пушкинской эпохи и ее жителей. Ну и кроме того, хочу в порядке саморекламы посоветовать и наши комментарии. Ведь о Пушкине написаны тысячи, десятки тысяч работ, только в нашем томе для комментария к двадцати страницам, написанным Пушкиным, нам пришлось учесть около тысячи разных книг и статей. Естественно, у обычного читателя на это просто нет времени, но комментарий дает ему хорошую сводку всего важного, что о данных текстах было написано. На комментарии к двадцати пушкинским страницам мы потратили больше пяти лет, а читатель наших комментариев может теперь получить ту же информацию за несколько дней. Один комментарий к «Моцарту и Сальери» занимает 120–130 страниц, и в нем очень много нового, того, что не учитывалось раньше. На днях я впервые прочитал статью «Моцарт и Сальери» в Википедии. Кто-то старательно составил довольно большую компиляцию из нескольких старых работ. И в этой статье я заметил не менее тридцати ошибок. Я боюсь, что наш комментарий, где все эти ошибки исправлены, останется известным малому количеству людей, а статья в Википедии так и будет существовать, и на нее люди будут ссылаться, студенты будут с нее списывать, и эти ошибки и неправильные интерпретации будут множиться и множиться.

- О состоянии пушкинистики в современном мире

Мы живем в эпоху, когда интерес к литературе, и литературе классической в первую очередь, падает. Поэтому и изучением литературы занимается сейчас все меньше и меньше талантливых людей, просто не хватает квалифицированных и знающих филологов. Поэтому изучать Пушкина скоро будет фактически некому. Конечно, у нас есть пушкинский отдел Пушкинского дома в Петербурге, в котором работают лучшие специалисты России, занимающиеся важным делом, — изданием полного комментированного академического собрания сочинений Пушкина. Работа идет уже лет тридцать, по-моему, и конца ей не видно. Не знаю, будет ли она когда-нибудь закончена, потому что для выполнения этой задачи просто не хватает людей. Мы пытались в свое время как-то привлечь к нашему неакадемическому изданию молодежь, объявили даже конкурс, приглашали всех на семинар в Оксфорд. Желающих было очень мало, а из тех, кто приехал, ныне занимается Пушкиным только Алина Бодрова, мой любимый соавтор по этому тому. Конечно, все вроде бы идет так, как и шло раньше: выходят пушкинистские журналы, выходит в Америке *Pushkin journal*, выходит в России «Временник Пушкинской комиссии», выходят сборники статей и так далее. Но мне кажется, что все равно это несоизмеримо с тем, что должно было бы быть. Так что ничего оптимистически радостного по поводу состояния дел в мировой пушкинистике я вам сказать не могу.

- **Алина Бодрова / О загадочной брошюре Пушкина**

После того как вышли два тома нашего издания — первая часть «Поэм и повестей» и «Борис Годунов», — встал вопрос о том, что делать дальше, какую еще прижизненную пушкинскую книгу выбрать. После больших вещей, поэм и драмы, мы хотели издать что-то из лирики, то есть выбирать нужно было из четырех частей «Стихотворений Александра Пушкина». Сначала нам приглянулась третья часть, вышедшая в 1832 году, куда Пушкин поместил в основном тексты 1829–1831 годов. С одной стороны, до стихов этого периода еще не дошло новое академическое собрание сочинений, а с другой — в этой части, как ни в какой другой, велика плотность шедевров. «Я вас любил...», «Зимнее

утро», «Дорожные жалобы», «Что в имени тебе моем...», «Бесы», «Узник», «Анчар» — все это тексты из третьей части «Стихотворений». Но тут мы столкнулись с очевидной сложностью, которой не было в предыдущих томах, ведь к каждому тексту нужно писать свой, отдельный комментарий, реконструировать историю замысла и текста, описывать тот биографический, литературный, исторический контекст, в котором текст складывался и бытовал. Когда таких текстов не три, как в «Поэмах и повестях», а, например, пятьдесят, то очевидно, что это дело хотя и очень увлекательное, но невероятно долгое — быстро такой комментарий составить невозможно, исходя просто из объема работы. Тогда мы стали искать другие варианты.

Выбор наш определился отчасти случайно. Еще на этапе обсуждения третьей части «Стихотворений» я заинтересовалась историей подготовки этого издания. Для него, между прочим, сохранилась цензурная рукопись — тетрадь с автографами, копиями, печатными листками, с которой работал автор, она потом представлялась в цензуру для одобрения и служила основой для набора. Помимо цензурной рукописи, у этого издания оказался очень любопытный предшественник — тонкая, 23-страничная брошюра под названием «Стихотворения А. С. Пушкина (Из Северных Цветов 1832 года)», одобренная цензором в самом начале 1832 года незадолго до третьей части «Стихотворений». В этой брошюре Пушкин собрал все свои произведения, которые он только что опубликовал в «Северных цветах», — знаменитом альманахе, с 1825 года издававшемся замечательным поэтом, ближайшим другом Пушкина Антоном Дельвигом. Но в январе 1831 года Дельвиг внезапно умер, и Пушкин решил напечатать еще один, последний выпуск альманаха в память о Дельвиге, и сам выступить в роли редактора и издателя.

В «Северных цветах на 1832 год» Пушкин поместил целый ряд первоклассных текстов, в основном сочиненных им в болдинскую осень 1830 года: это «Моцарт и Сальери», «Анфологические эпиграммы» (из которых наиболее известно стихотворение «Труд»), «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаш», «Анчар» и «Бесы». И вот все эти произведения, которые должны были войти, разумеется, и в третью часть «Стихотворений», Пушкин в январе

1832 года зачем-то решил напечатать отдельно в этой самой брошюре. А брошюра эта мало того что в издательском смысле странная, так еще и очень редкая: во всех справочниках до сих пор можно прочесть, что известны якобы только два ее экземпляра, что абсолютно ненормально для изданий того времени.

Но странности только увеличились, когда я решила подержать в руках оба описанных в научной литературе экземпляра. Тот, что хранился и хранится в библиотеке Пушкинского Дома, дался мне легко, но каково же было мое удивление, когда о судьбе второго экземпляра, находившегося в Научной библиотеке СПбГУ, мне была выдана справка: «утрачен с 1950 года»... В общем, стало ясно, что история тут практически детективная и требующая, несомненно, новых разысканий, – и мы решили, что это своего рода знак, что именно эту книжку нам и нужно издавать. Таким образом мы сможем хоть отчасти прояснить загадочную историю брошюры и прокомментировать целый ряд замечательных и важных текстов, которых при этом – на счастье комментаторов и издателя – не слишком много.

В том, что касается истории брошюры, нас ждало много увлекательных находок. Так, вскоре обнаружились еще два экземпляра «Стихотворений из Северных Цветов»: один всю жизнь лежал и лежит в Публичке (Российской национальной библиотеке), другой в конце 1980-х годов поступил в библиотеку Музея Пушкина на Мойке – в составе частной коллекции. Выяснилось, что еще один экземпляр хранился в Библиотеке Академии наук; был, очевидно, экземпляр и в библиотеке университета Хельсинки – в прошлом Императорского Александровского университета, который вплоть до 1917 года получал обязательный экземпляр всех книг, издававшихся в России.

Благодаря работе с цензурными документами нам удалось пересмотреть просуществовавшую долгие годы концепцию Николая Смирнова-Сокольского, согласно которой сам замысел брошюры был обусловлен сложностями Пушкина с III Отделением из-за стихотворения «Анчар», – в общем, получился своего рода источниковедческий детектив с неожиданными поворотами, разоблачением старых гипотез, ну и с новыми загадками, как

полагается.

- 0 пушкинской интерпретации Ломоносова

Александр Алексеевич на примере «Моцарта и Сальери» говорил о том, как важны были для нас установка на реконструкцию «культурной энциклопедии» пушкинской эпохи и отстранение от наших новых знаний, – то же самое я могу сказать применительно к подведомственному мне стихотворению «Отрок». Оно, как известно, связано с сюжетом из юности Ломоносова, когда он, сын поморского рыбака, решает выбрать иной путь, оставить отца и отправиться учиться.

*Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.*

В комментарии к этому небольшому стихотворению мне было важно показать, какие источники биографии Ломоносова были известны Пушкину, какова была репутация Ломоносова в пушкинскую эпоху и как этот стихотворный текст встраивается в другие пушкинские высказывания о Ломоносове. И тут тоже было довольно много если не неожиданного, то неочевидного: в современном массовом представлении Ломоносов прежде всего «гордость отечественной науки», основатель Московского университета и все в таком духе, но для младших современников Ломоносова и многих последующих поколений он был прежде всего великим поэтом, «отцом российского красноречия и вдохновенного стихотворства». Об этом свидетельствуют и ранние биографии Ломоносова, которые мог читать Пушкин, статьи и стихи о нем и, например, идея памятника в Архангельске, который был задуман в 1825 году и изображал Ломоносова похожим на античного поэта. Но, в свою очередь, Пушкин этого культа Ломоносова-поэта не разделял: «уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта», – писал он. В разных своих высказываниях о Ломоносове Пушкин отдавал предпочтение его ученым занятиям, но еще более важной Пушкину представлялась социальная роль Ломоносова –

служение на поприще государственного просвещения («будешь умы уловлять, будешь помощник царям»), но и при этом способность сохранять личную независимость («я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господ бога»). Все это нам сейчас совершенно неочевидно, но без этих фоновых знаний эпохи и понимания личной установки Пушкина мы не можем адекватно прочесть это растиражированное стихотворение.

2017 г.

Иван МАРТОВ. Edebi makalalar